

КОНСТРУКЦИИ ГЕНДЕРА В НЕФОРМАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПРОФЕССИЙ

Татьяна Щепанская

Эта статья написана по материалам полевых этнографических исследований профессий, осуществляемых на кафедре культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ начиная с 1998 года⁶. Были опубликованы: общий очерк проекта, некоторые материалы и первые результаты исследований [Щепанская, 1999. С. 218; Щепанская, 2002. С. 134–151; Щепанская, 2003].

Феномен неформальных традиций в профессиональной среде

Программа полевых исследований предусматривает фиксацию повседневных практик и дискурса профессиональной среды, особенно их стереотипных, устойчивых элементов, транслируемых посредством механизма традиции. Такой подход позволяет представить повседневную жизнь профессиональной среды, с ее специфическими культурными характеристиками, особенностями коммуникаций, жизненного стиля. При этом в поле зрения попадают как институционально закрепленные, предписанные официальными правилами стороны профессии, так и неформальные. Последние обычно ускользают из поля зрения и макросоциологических моделей, и проводимых на их основе исследований, зато хорошо улавливаются этнографическими методами, а потому и будут предметом нашего особого внимания. В эту «теневую» сферу функционирования профессии входят: неформальные связи

---

⁶ Полевые записи (наблюдения и интервью) сделаны как автором настоящей статьи, так и студентами кафедры, в рамках учебного антропологического практикума, работавшими под руководством и по программам автора. В ряде случаев программы были модифицированы студентами в соответствии со спецификой изучаемой профессиональной среды или их исследовательскими интересами. Полевые записи, сделанные в рамках практикума, хранятся в электронном архиве кафедры. При цитировании в скобках указаны сведения об информанте: пол, возраст, затем (после указания «ПМ» – полевые материалы) – фамилия собирателя, год и место записи.

и механизмы их поддержания; неофициальные правила, нормы, стереотипы поведения; символика, опосредующая эти связи и выражающая эти нормы; способы интерпретации символики, объяснительные модели, приемы легитимации тех или иных действий; профессиональный фольклор. Этот комплекс может быть описан как субкультура, в отличие от «профессиональной культуры», акцентирующей степень освоения и осуществления скорее официальных правил профессиональной деятельности.

Под субкультурой профессии, таким образом, мы понимаем совокупность стереотипов и норм поведения, форм дискурса, сложившихся в профессиональной среде, функционирующих на уровне повседневности и транслируемых посредством механизмов традиции в рамках повседневных практик, специальных ритуализованных действий (например, коллективных застолий, капустников, посвятительных обрядов), профессионального фольклора. Носитель такой субкультуры – профессиональная среда, разделяющая если не весь символично-нормативный комплекс, то, по крайней мере, совокупность культурных кодов, опосредующих его понимание. Иногда такой носитель определяется как «профессиональное сообщество», куда включаются по умолчанию обладатели данной профессии, имеющие соответствующее образование и работающие по специальности. В этом случае следует сделать два замечания. Первое: описывая структуру такого сообщества, следует учитывать не только официальные позиции (должность, формальные характеристики профессионального статуса: образование, степени, звания, знаки отличия), но и неформальные отношения. Субъект профессиональной субкультуры – не конкретная организация или зарегистрированное профессиональное объединение, а скорее сообщество, рассматриваемое как сеть неформальных связей. Второе замечание вытекает из первого: границы такого неофициального сообщества – реального носителя традиции, в рамках которой она транслируется, – могут не совпадать с формальными границами профессии (определяемыми такими критериями, как полученное образование, квалификация, формальная лицензия, дающие право заниматься

данной деятельностью)⁷. В передаче традиций, как и вообще в повседневной жизни профессиональной среды, нередко участвуют люди, занимающее маргинальное положение или вообще не принадлежащие к профессии, например, актерские традиции передаются при участии обслуживающего персонала – билетеров, гримеров, работников сцены, – которые играют значительную роль в поддержании театральной мифологии (своеобразной модели мира, системы объяснений и легитимаций, на которую опираются непосредственно актерские традиции). Следуя принципам этнографического подхода, мы должны в качестве носителя профессиональной традиции описывать именно ту среду, в рамках которой она реально транслируется, а не придерживаться границ, определенных по формальным, теоретическим критериям. Чаще всего трансляция традиций происходит в рамках определенной сферы деятельности (авиация, грузоперевозки, театральная среда и т. д.), нередко объединяющей несколько профессий (например, в гражданской авиации – летчики, стюардессы, диспетчеры), каждая из которых имеет собственную субкультуру, но разделяет общие для всей сферы деятельности культурные коды.

Итак, предметом нашего исследования служит комплекс (неформальных) традиций, определяющих повседневное функционирование профессиональной среды. Какие области профессиональной деятельности и коммуникаций регулируются данными традициями? Каковы средства регуляции (нормы, стереотипы, обоснования, легитимации, санкции) и моделирования поведения (символика и основанные на ней структуры: фольклор, ритуалы)? В рамках нашего проекта профессии рассматриваются в сравнительной перспективе. На первом этапе каждый из собирателей

---

⁷ Как замечает Р. Мэттьюз [Matthews, 1991], в настоящее время «нет общепринятого определения профессий», но, суммируя многочисленные варианты, определяет два признака, которые принимает большинство: обладание определенной квалификацией, полученной посредством экзаменов или других формальных тестов (лицензирования), и существование кодекса поведения (профессиональной этики), нарушение требований которого в качестве крайней санкции может повлечь утрату лицензии. И процедура лицензирования, и профессиональная этика могут быть в разной степени формализованы, однако они обеспечивают существование профессии в качестве особой среды или сообщества, обладающего определенной автономией.

изучает определенную профессию как отдельный «случай». Наша цель – на базе их сопоставления смоделировать феномен профессиональной субкультуры: вычленив общие элементы и характеристики, позволяющие сопоставлять традиции различных профессий. В данной статье сосредоточим внимание на их элементах этих традиций, относящихся к гендеру (как символическому конструкту). Их анализ позволит судить также о соотношении конструктов гендера и профессионализма.

Таким образом, предметом нашего исследования является в первую очередь пласт профессиональных традиций (поведенческих и дискурсивных стереотипов), сложившийся на неформальном уровне: его состав, структура, порождающие правила (или – шире – механизмы порождения). В данной статье мы задаемся вопросом, каким образом в рамках этих неформальных традиций моделируется гендер. Мы рассматриваем случаи моделирования гендера в неформальном дискурсе профессий – сами модели, средства их репрезентации и механизмы порождения. Настаивая, что мы исследуем именно модели и процесс моделирования гендера, мы обращаем внимание читателя, что не следует ожидать их буквальной реализации в повседневной практике. Мы вычленим моделирующие гендер структуры аналитическим путем и иллюстрируем их конкретные проявления в традициях различных профессий конкретными эпизодами повседневных взаимодействий. Однако это не должно означать, что такого стереотипа придерживаются *все* представители данной профессии или что это *единственная* доступная им модель – мы фиксируем только существование ее как культурного образца, о котором известно и на который ориентируются, в одних случаях принимая его как само собой разумеющееся, в других – отталкиваясь от него и отрицая его. Фиксируя случаи реализации данной культурной модели, мы обнаруживаем эту модель как одно из правил организации поведения (не всегда осознаваемое и вербализуемое), факт его существования или даже возможности в данной среде – но не факт обязательности и даже единственности этого правила. Затем, суммируя совокупность моделирующих гендер знаковых структур, обнаруженных в дискурсе различных профессий, мы можем перейти к поиску общей матрицы (организованной

совокупности моделей) гендера, как составляющей символического конструкта «профессионализма». Такая матрица неизбежно будет реконструкцией, поскольку в каждой конкретной профессиональной среде, вероятно, будет проявляться только часть ее элементов и правил. Наша задача – выявить правило, которое позволяет объединить в одну матрицу максимально возможное число выявленных эмпирически элементов конструкции гендера, обнаруженных в ходе сравнительного изучения профессий.

Итак, мы рассматриваем неформальный дискурс профессий, фиксируем в нем символические конструкции гендера, ищем принцип или правило порождения, выполняющийся для максимально возможного числа из этих конструкций, обращая внимание особенно на те из них, которые являются общими для разных профессий (то есть могут быть истолкованы как элементы общей структуры феномена «профессиональной традиции»). Таким образом, мы не только воссоздаем схемы моделирования гендера в рамках профессиональных традиций, но и получаем материал для суждений о соотношении символических конструкций гендера и профессионализма.

Гендерная тематика в применении к профессиональной сфере обычно обсуждается в связи с проблемой сегрегации и обусловленного ею разрыва в доходах между работниками по признаку пола. Среди механизмов сегрегации важное значение имеет представление о разделении профессий на «мужские» и «женские», транслируемое как в обыденном сознании, прессе, так и в социологической литературе. В исследованиях гендерной сегрегации в понятие «женской» / «мужской» профессии (или работы, сферы деятельности) вкладывается либо количественный, либо символический смысл. В первом случае в качестве «женской» рассматривается профессия, где женщины численно преобладают среди работников. Социологи Б. Хайнтц и Е. Надаи в работе «Пол и контекст», например, для сравнения «мужских» и «женских» профессий выбрали такие сферы профессиональной деятельности, как информатика (программист / аналитик) и уход за больными (медсестры / санитары), где «доля женщин и мужчин составляет примерно 10 % соответственно» [Хайнтц, Надаи,

2002. С. 295, примечание*]. В символическом смысле под «женской» / «мужской» профессией понимается такая, где «делание работы» означает одновременно и «делание гендера» [Хайнтц, Надаи, 2002. С. 292–293]⁸, то есть профессиональная деятельность предполагает демонстрацию качеств и выполнение ролей, приписываемых определенному полу. В качестве примеров обычно приводятся профессии военного или пожарника как сферы, где профессионализм ассоциируется с маскулинностью, и работу, например, стюардессы, где требуется демонстрация «женских» качеств.

В нашем исследовании мы не могли не учитывать символическую идентификацию профессии как «мужской» или «женской». Приводя данные о множестве разнообразных профессий, мы отобрали для более внимательного изучения несколько, рассматриваемых как примеры типично «мужских» (физики, программисты, водители такси) или «женских» (стюардессы) – как в статистическом, так и в символическом отношении; наряду с этим отобраны и промежуточные варианты – профессии, где статистически преобладают женщины, но на символическом уровне воспроизводятся элементы образов как «мужской», так и «женской» профессии (врачи, учителя).

Анализируя механизмы исключения женщин из наиболее престижных и высокооплачиваемых сфер, современные исследователи отмечают их деинституционализацию (Б. Недельман), под которой понимается «переход механизмов воспроизводства от рутинного протекания к осознанному и целенаправленному действию» [Хайнтц, Надаи, 2002. С. 286]⁹. Взамен институционально закрепленных механизмов формального исключения (отсутствие доступа к высшему образованию, определенным профессиям, ограничение дее- и правоспособности женщин), на первый план выходят культурные механизмы поддержания гендерной иерархии (в данном случае – неравенства в распределении ресурсов, материального вознаграждения, статуса профессионала, – в зависимости

---

⁸ Авторы статьи приводят формулу «doing gender while doing the job» [Leidner, 1991].

⁹ Авторы статьи опираются на концепцию деинституционализации Бригитты Недельман [Nedelmann, 1997].

от его пола). Отсюда – повышенный интерес к сфере повседневности и практикам, в ходе которых происходит конструирование гендера. Ряд таких практик мы и рассмотрим в настоящей статье.

Профессионализм и маскулинность

Начнем с описания фольклорных конструкций мужского гендера, поскольку они явно преобладают в большинстве профессиональных традиций. Разделение на «мужские» и «женские профессии» утвердилось как в общественном мнении, так и в научном дискурсе, тем не менее, между этими понятиями существует заметная асимметрия. Во-первых, количественный перевес «мужских» на уровне символических конструкций. Проведенное Т.Б. Котловой и А.В. Смирновой исследование гендерных стереотипов в наиболее распространенных в России учебниках русского языка и математики для начальной школы показало, что

частота обращений к мужским профессиям намного превышает упоминание женских (соотношение 88:12), причем спектр «мужских» профессий намного богаче... как «мужские» в учебниках представлены 93 % профессий физического труда и 79 % – интеллектуального.

По данным этого же исследования, мужчины заняты работой в 71 % упоминаний, а женщины – только в 39 % [Котлова, Смирнова, 2001]. Судя по результатам этого исследования, в учебниках для начальной школы запечатлен стереотип, ассоциирующий профессионализм скорее с маскулинностью, чем с фемининностью. Важно отметить, что этот стереотип продолжает транслироваться институтами социализации.

Показательны данные, приводимые Ж. Черновой по результатам исследования представлений о «мужской работе» в популярной прессе. Автор анализирует публикации в мужских журналах, мужские образы, предлагаемые читателям в качестве эталонных. По заключению автора, в качестве «настоящих мужских» профессий описываются наиболее высокостатусные и высокооплачиваемые. В рамках одной и той же профессиональной сферы дополнительно маркируется (как «мужское» качество) высокий уровень профессионализма,

который операционализирован в таких показателях, как: высокое квалификационно-должностное положение, подтвержденное набором сертификатов; высокий уровень профессиональной креативности и автономии деятельности: широкая сфера ответственности, контроль над функциями и свобода от рутинной работы [Чернова, 2003. С. 279–280].

В публикациях мужских журналов, таким образом, профессионализм включается как важная составляющая в символический конструкт маскулинности.

Символическая связь профессионализма и маскулинности прослеживается и в фольклорном дискурсе целого ряда профессий, причем эта связь всегда положительная: высокий профессиональный статус означает и высокий мужской. В фольклорном образе профессий подчеркивается мужская сексуальная привлекательность их представителей. Типичный пример – очень широко распространенный текст об особой привлекательности представителей разных профессий:

Мама, а я лётчика люблю.
Замуж я за лётчика пойду:
Лётчик высоко летает,
Много денег получает –
Вот за это я его люблю.

Песню про летчиков я слышала еще в своем детстве, в приволжском летном городке, в начале 1970-х годов. Варианты этой широко бытующей песни посвящены представителям разных профессий – от физика и доктора до повара, дворника и сантехника¹⁰. Наряду с качествами профессионала (высокий доход и статус), куплеты акцентируют и чисто мужские:

Мама, твердотельщика люблю.
Я за твердотельщика пойду:
Он мужчина в самом деле
И всегда при твёрдом теле –
Вот за это я его люблю! –

гласит куплет песни, которую я слышала от студентов физфака СПбГУ; физика твердого тела – одна из физических специальностей

---

¹⁰ Несколько вариантов см.: сайт «KARAOKE.Ru» // <http://karaoke.ru/song/3824.htm>;
сайт «Фольклор советских студентов» // <http://folklor.kulichki.net>.

и кафедры на физфаке университета. В песне были куплеты, посвященные преимуществам каждой из кафедр. Мотив мужской привлекательности, приобретаемой вместе с профессией, транслируется и в повседневный дискурс:

Когда я говорю, что так и так... будущий врач, – говорит о своей профессии студент Первого медицинского университета (СПб.), – даже девушки смотрят по-особенному [муж., 20 лет. ПМ: В. Мониц, 2000].

Певец А. Буйнов, рассказывая о своей профессиональной карьере, когда играл на бас-гитаре в ансамбле «Веселые ребята», подчеркивает как значимую деталь: «Все девчонки тогда мои были» [Рослова, 2003], – причем подобные заявления, часто встречающиеся в дискурсе поп-исполнителей, преподносятся как свидетельство *драйва*, важнейшей составляющей профессионализма [Ворохов, 1999]. Женщина-архитектор, характеризуя свою профессию, акцентирует мотив сексуальной активности коллег-мужчин:

Интересно, что мужчины-архитекторы обычно падки на женщин (как и все творческие люди), а старички любят и женятся на молодых девчонках [ПМ: О. Аверичева, 2002].

Характерно, что рассказчица специально подчеркивает связь мужской сексуальной активности с творческой профессией.

Подобного рода высказывания актуализируют схему, в которой профессионализм и маскулинность находятся в положительной корреляции. В то же время мотив сексуальной несостоятельности используется в фольклоре как инвектива, снижающая образ профессии и ее обладателей. Это очень хорошо видно в частушечных текстах из шутливой перепалки между факультетами медицинского вуза. Студенты лечебного факультета сообщали собирателям:

Они [студенты стоматологического факультета. – Т. Ш.] иногда говорят: – Мы врачи-стоматологи. – А мы в ответ: – Вы – стоматологи, а врачи здесь мы! По этому поводу даже стишки всякие есть, сейчас вспомню... лучше трахаться с кастратом, чем с уродом со стоматата [ПМ: В. Мониц, СПб., 2002].

В большинстве зафиксированных нами случаев моделирования гендера в профессиональном фольклоре акцентируется мужской

гендер, конструкт маскулинности. Особенно это заметно в ситуациях наибольшей ритуализации, таких, как коллективное застолье или посвящение в профессию.

Посвящение в профессию – комплекс действий, включающих как официальные церемонии, инициируемые администрацией учреждения, так и неформальные мероприятия, которые отмечают приход новичка в профессию одновременно как сферу деятельности и сообщество коллег.

Неформальные посвячительные обряды ярче всего представлены в профессиях, считающихся традиционно «мужскими» (военные, милиционеры, пожарные), а также в фольклоре медиков¹¹. Для этих обрядов характерны формы демонстрации маскулинности – акцентирование мужских гениталий, физической силы, умения много выпить и т. п. Включение символов пола в эти обряды соотносит вхождение в профессию с моделью мужского посвящения – превращения в «настоящего мужчину».

В контексте обрядов посвящения работников правоохранительных органов, пожарников, рабочих и медиков отмечено маркирование мужских гениталий. Например, выпускники одного из вузов системы МВД в Санкт-Петербурге, вспоминая окончание учебы, рассказывали, как начищали до блеска тестикулы коню Петра I у скульптуры Медного всадника. По замечанию рассказчиков, это обычно делал тот выпускник, «кто считается в училище лидером – чтобы он ушел, о нем слава гремела» [ПМ: Н. Бравичева, 2002]. Комментируя эти действия, рассказчики говорили о «мужском братстве» (речь идет о будущих бойцах СОБР), которое формируется за годы обучения и «сохраняется на всю жизнь». Отметим, что актуализация мужской генитальной символики здесь напрямую связана с демонстрацией высокого статуса в курсантском, а затем и профессиональном сообществе, которое обозначается как «мужское братство».

У студентов-медиков роль посвящения приписывается занятиям в анатомическом отделении, где будущие врачи знакомятся

---

¹¹ Сейчас это статистически скорее женская профессия, но на символическом уровне сохраняется ряд конструкций профессионализма как проявления маскулинности, особенно в отношении ряда специализаций, таких как хирург и патологоанатом.

со строением человеческого тела. С посещением анатомички связан обширный студенческий фольклор, в основном байки в жанре черного юмора. Один из мотивов студенческих баек – перемещение хирургическим путем мужских половых органов препарата, которые пришиваются будто бы к другому участку тела, а иногда вкладываются в его внутренние полости. Этим манипуляциям придается смысл «прикола» – испытания для новичков: студенты следующей группы, которые будут работать после шутников, должны отыскать спрятанные органы [ПМ: В. Мониц, 2002].

Акцентирование мужских гениталий отмечено и у представителей исследовательских профессий, связанных с «полем», – выездами в экспедиции. У них функцию посвящения выполняет обычно первая экспедиция. Ритуальному посвящению, которое проводится в середине или конце экспедиции, предшествуют различные испытания новичка, в частности приколы. У геологов и этнографов в качестве прикола бытует рассказ о «меховом гульфике»: перед поездкой в Сибирь или на Север новичка предупреждают, что там даже летом бывают холода, поэтому, мол, следует сшить меховой гульфик во избежание обморожения. Предупреждают в порядке розыгрыша, но ходят рассказы о том, что некоторые коллеги на этот розыгрыш попадались и в действительности приносили собственноручно сшитый элемент снаряжения. Похоже, что этот мотив также взят из армейского обихода.

Отмечены случаи, когда в посвячительных обрядах актуализируется символика женских гениталий, но в контексте именно мужского посвячительного сюжета приобщения ко «взрослому» знанию = «познания женщины». Выпускники Военно-медицинской академии до недавнего времени начищали до блеска грудь медной статуи Гигеи, стоявшей в скверике рядом с кафедрой; по рассказам военных медиков, они одевали на статую новый бюстгальтер, на который скидывались всей группой [ПМ: Т. Щепанская, Л. Ипатова, СПб., 2003]. Отметим, что складчина и коллективный характер придают манипуляциям со статуей смысл демонстрации единства профессионального коллектива.

Вариация сюжета профессионального посвящения как «познания женщины» отмечена и в среде заводских рабочих. В лекции московского исследователя Д.В. Громова есть история,

рассказанная бывшим мастером, работавшим на заводе им. Владимира Ильича:

Там была распространённая шутка, что посылали какого-нибудь молодого совсем мальчика к какой-то женщине – там была женщина, огромная тётка такая, басовитая, матерная. И говорили: «Возьми ведро, спроси, есть ли у неё менструация. Пускай она тебе ведро нальёт». Ну, тот шёл там, а она ему говорила всё, что думает по поводу его, по поводу там всех рабочих этого цеха и так далее [ПМ: Д.В. Громов, М., 2003].

Шутка основана на демонстрации некомпетентности новичка – незнания им как производства, так и женщин; соответственно, вся процедура должна была обозначать приобщение его к обоим видам знания – то есть одновременно профессиональное и мужское посвящение. Имеется и другой вариант шутки, когда новичка-рабочего просят принести полную банку «компрессии», играя на непонимании им профессиональной терминологии. Профессиональное и генитальное знание в этом примере взаимозаменяемы, занимают одну и ту же структурную позицию, то есть ритуалы профессионального посвящения воспроизводят матрицу мужской инициации. Аналог описанной шутки отмечен в среде солдат срочной службы, которой прямо придается значение мужского посвящения [Лурье, 2001]. К. Банников приводит такую армейскую шутку:

Старослужащий [дед] посылает молодого солдата, вручая ему трёхлитровую банку, «в санчасть за клитором»... Фельдшер говорит, что уже всё разобрали, и посылает его на склад, на складе говорят, что надо попросить в штабе. И так далее, пока кто-нибудь из посвящённых в эту шутку не пошлёт его «за клитором» к какому-нибудь высокому начальнику, желательно из недавно переведённых в эту часть. Его реакция на просьбу солдата непредсказуема, и это есть кульминационный момент [Банников, 2000].

В контексте посвячительных действий, шуток и испытаний освоение профессии обыгрывается как становление мужчины. Профессионализм символически соотносится с маскулинностью, между ними устанавливается прямая корреляция: повышение профессионализма усиливает маскулинность и само воспринимается как элемент доминантной маскулинности – статуса «настоящего

мужчины» [Чернова, 2003. С. 279–280]. Обратных примеров – когда бы освоение профессии воспринималось как утрата мужского статуса – нами не зафиксировано.

Мужская идентификация профессионала

Приведенные выше примеры посвячительных действий, во-первых, моделируют образ профессионала как мужской, во-вторых, явно указывают на мужскую среду своего бытования. Курсанты МВД говорят о «мужском братстве», будущие пожарные (по материалам К.Э. Шумова) шутя называют свое учебное заведение «мужской монастырь» [Шумов. Традиции...]. Высокий статус в таких профессиональных коллективах осознается именно как мужской статус, то есть в основе профессионального статуса – качества, оцениваемые по шкале маскулинности: «Это работа для настоящего мужчины», – как высказался о своей профессии пожарника майор Н. Голопапа в интервью газете «Вечерний Рубцовск» [Барной, 1998].

Очевидно, вышеописанные обряды должны отмечать посвящение не просто в профессиональное сообщество, а именно в такое «мужское братство» – отсюда и акцентирование мужской символики. Любопытно, что происходит, когда подобные профессии начинают осваивать женщины. Приведу пример одного из учебных заведений системы МВД в Санкт-Петербурге, в котором обучаются курсанты обоих полов. Среди курсантов существует обычай вести блокноты, аналогичные блокнотам солдат срочной службы. Заполняются они как служебными записями, так и фольклорными текстами. Ведение таких блокнотов служит одним из средств освоения неформальных традиций, лексики, фольклора, то есть может рассматриваться в контексте посвячительных действий. В моей коллекции имеется блокнот¹² девушки-курсанта, который открывается следующим текстом (л. 1):

---

¹² Блокнот получен автором в январе 2003 года в Санкт-Петербурге от брата хозяйки блокнота, которая училась в училище МВД несколько лет назад. Блокнот форматом в 1/8 листа А4, из 14 листов, скреплен белой металлической пружинкой, с одной задней картонной обложкой. Листы с одной стороны оформлены бледной (так что сверху можно писать) картинкой из диснеевского фильма «Аладдин» (изображение Аладдина верхом на ковре-самолете, рядом с ним джинн). Записи, относящиеся к курсантскому фольклору, располагаются на украшенной стороне. На обороте – планы учебных помещений, разные телефоны и т. п. записи.

Открой блокнот мой друг
или подруга
И пробеги глазами по строкам
Они написаны в часы досуга
в тоске по дому,
по родным местам
И если ты мужского пола
И этих мук не испытал
Закрой блокнот,
не мни страницы
Не для тебя я их написала.

В целом в блокноте девушки курсанта воспроизведен текст, характерный для мужских блокнотов (как курсантских, так и солдатских); речь в нем ведется явно от мужского лица. Измененная последняя строчка, учитывающая пол хозяйки блокнота, не рифмуется и выпадает из текста.

На еще один пример подобной переделки имеется на л. 7 того же блокнота:

Кто жизни солдатской не знает
Солдатских сапог не носил
Пусть сразу блокнот закрывает
Я солдату его посвятила.

Здесь видно, как девушка адаптирует текст к своему случаю, но типовым все-таки остается мужской образец, то есть на уровне символического конструкта, модели образ курсанта остается (по умолчанию) мужским.

Конструирование фигуры профессионала как мужской (по умолчанию) проявляется иногда на уровне повседневного общения – уже в профессиональных сообществах. Приведу характерный эпизод, рассказанный женщиной физиком, сотрудницей Физико-технического института РАН в Санкт-Петербурге:

У меня был один смешной случай, – вспоминает она. – Значит, я там была в мужской компании одна в тот момент, ну, мы там что-то внедряли... нас было – ну, не помню точно, сколько человек, но в основном,... мужчины, я одна была. И... [один из коллег мужчин. – *Т. Щ.*] говорит: – Ну, – говорит, – мужики, – будем... [общий смех слушательниц. – *Т. Щ.*] будем, значит, активнее действовать, надо нам это всё пробить... [жен., 60 лет. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2005].

«Мужики» звучит как собирательное обращение к коллегам-профессионалам, даже несмотря на присутствие в их числе женщины. В иркутском выпуске «Комсомольской правды», вышедшем к Женскому дню, была опубликована статья про «Женщин мужских профессий», одна из героинь которой – молодая сварщица – «руководит целой бригадой “матерых” сварщиков. – Они меня своим мужиком называют, – смеется она, – я у них вроде авторитета» [Инешина, 2004]. В таких («мужских») профессиях круг принадлежности очерчивается термином «мужики». Даже если реально в числе работников есть женщины.

Восприятие своей профессии как «мужской» характерно для программистов, водителей такси (в том числе маршрутных). Водители маршрутных такси в Санкт-Петербурге почти исключительно мужчины – собирателям сообщали об «одной женщине-водителе», но найти ее в Санкт-Петербурге они так и не смогли (сообщения были неконкретными). На вопрос, какие качества необходимы в их профессии, водители отвечали: «Опыт водительский иметь... не знаю, мужиком надо быть, короче», замечая, что женщину в этой роли просто нельзя представить: «Ну, я даже не знаю... а как иначе-то? Ты себе представляешь женщину-маршрутницу? Я – нет. Это работа для мужика» [муж., 41 год. ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004]. Идентификация профессии происходит в терминах маскулинности. Те же мотивы отмечены и в профессиональной среде программистов: «Программирование – исключительно мужская работа (да простят меня дамы), – пишет один из посетителей Интернет-форума. – Девушка-программист – это нонсенс, почти как ёж-альбинос»¹³. Так же, как и водители маршрутных такси, программисты упоминали об «одной женщине», которая работает сисадмином (системным администратором). Мотив «одной женщины», о которой «вроде бы ходит слух», – это указание на исключительный статус женщины в профессиональной среде. Работа по специальности и образование не всегда достаточны для признания профессиональной идентичности:

---

¹³ Форум на сайте «CarneVale», тема «мужчины и женщины», сообщение от 27.12.2004 // <http://www.karnawal.ru/forum/index.php?showtopic=22>.

Есть женщины, которые работают программистами, – признает молодой представитель этой профессии, – а женщин-программистов не бывает, как не бывает женщин-водителей, есть женщины, которые водят... они не знают, что надо, как надо... мы говорим про женщин-программистов... я говорю, что нет ни одной из наших... [муж., 24 года. ПМ: М.В. Чунаева, СПб., 2004–2005].

Идентификация означает признание принадлежности к профессиональному сообществу, а не только работу по профессии. Скепсис относительно возможности принадлежности к нему женщин, даже работающих по специальности, должен означать, что это сообщество воспринимается говорящим как мужское. Это мужское сообщество внутри профессионального, основанное на неформальных связях и мужской этике, вероятно, и является носителем традиций, фольклора, о которых выше шла речь, и которые способствуют сохранению образа «мужской профессии» даже в тех случаях, когда значительную часть ее составляют женщины. В приведенных выше примерах есть профессии статистически представленные, в основном, мужчинами: программисты, водители маршрутных такси, пожарные. Среди научных сотрудников ФТИ женщины составляют около 20 % [Шмидт, Куняцына, Мурашова, Соколова, 2004], а среди медиков – большинство. Тем не менее в фольклоре образ профессионала во всех этих сферах моделируется как мужской.

Коллективное застолье – еще одна ситуация, где можно обнаружить моделирование гендера. Если в рабочей обстановке не везде, но действует норма организационной культуры, ориентированной на «бесполого» работника (точнее, предусматривающей нормы общения, независимые от пола), то во время коллективных застолий, как и других форм досуга, эта норма уже не действует, и происходит разыгрывание «традиционных» (принимаемых за таковые патриархатных) сценариев репрезентации пола, словно в компенсацию гендерно нейтральной трудовой повседневности. Это проявляется в распределении ролей при подготовке застолья (мужчины отвечают за выпивку, женщины готовят закуску) и уборке помещения после торжества, в распределении мест за столом и порядке провозглашения тостов.

Смысловый пласт застолья концентрируется в тостах, среди которых есть специфичные для каждой профессии. Прежде всего, это тосты собственно «за профессию», причем в части из них профессиональная деятельность соотносится с моделью «сексуальной связи». Примеры – тост связистов: «За связь без брака!» или «Лучше связь без брака, чем брак без связи!» [Сергеев, 2003]. А.Д. Сахаров цитировал в своих мемуарах тост, который произнес М.И. Неделин, военный руководитель испытаний термоядерного «изделия», по поводу успешного проведения испытаний в ноябре 1955 года:

Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубашке, молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направить я и сама сумею! Давайте выпьем за укрепление» [Сахаров, 1990].

Имелось в виду, конечно, укрепление военной мощи Отчизны. Метафорой профессионального успеха становится мужская сексуальность. Если же профессионал оказывается в противоположной – «женской» – позиции, это воспринимается как насмешка. К.Э. Шумов цитирует тост пожарников: «Давайте выпьем за пожарную охрану, которая, как старая дева, никому не нужна, но всегда готова» [Шумов, Традиции...]. В тосте электриков «женская» позиция профессионала как объекта означает профессиональную неудачу:

Распрашивают одного электрика, интересная ли у него профессия? – Профессия у меня, конечно, интересная, но опасная. Соединишь, к примеру, не те провода, и тебя трахнет! Так выпьем же за то, чтобы в Новом году жизнь не вступала с нами в интимные отношения! [Стопка.ру].

Все это нехарактерно для «женских» профессий. Бухгалтеры, большинство которых составляют женщины, поднимают тост: «За ваше счастье личное, наличное, безналичное», – ставя в один ряд предмет своей профессиональной деятельности (наличные) и личное счастье, то есть семью, брак, отношения с близкими. Учителя (еще одна статистически «женская» профессия) в качестве

завершающего торжественную часть застолья тоста отмечают тост «За любовь!». Впрочем, последний тост отмечается в разных средах и, как кажется, не связан с определенной профессией.

Другая тема профессиональных тостов – за отсутствующих за столом (находящихся в отъезде или погибших) коллег – символически восстанавливает полноту профессионального сообщества: у моряков – «За тех, кто в море!», у рыбаков – «За тех, кто на промысле!», у этнографов, геологов и представителей других полевых профессий – «За тех, кто в поле!». Военные пьют этот тост: «За мужиков!», причем в боевых частях, понесших потери, пьют стоя, не чокаясь – вспоминая тех, кто погиб. В более мирной обстановке военные пьют: «За нас, за мужиков!» Этот тост может быть поднят и просто за всех коллег: «За тех, кто работает в профтех!» [Старцев, Львов, 2001] – и за профессию в целом: так, коллектив театра поднимает тост: «За святое искусство!».

Примечательно, что если за столом присутствуют как мужчины, так и женщины, то вместо этого (или после него, как связанный с ним) может быть поднят тост: «За милых (вариант: присутствующих здесь) дам!» (как коллег, так и прочих женщин, оказавшихся за праздничным столом). Этот тост неспецифичен для разных профессий и структурно замещает специфические профессиональные тосты «за тех, кто...». Женщины чествуются независимо от их профессии, то есть акцентируется не их профессиональный, а гендерный статус. В то же время тост: «За мужиков!» – стоит в одном ряду с профессиональными («за тех, кто...»), не замещая их (поскольку этот тост специфичен для военных), а продолжая и маркируя весь ряд. Уместно вспомнить, что в неформальном дискурсе одной из самых распространенных моделей профессиональной деятельности является «бой», а военная служба, в свою очередь, моделирует идеал «настоящей мужской» профессии. Тосты «за женщин» и «за профессионалов / профессию» воспринимаются как гомологичные, нередко взаимозамещаемые. Их соотношение хорошо иллюстрирует тост, который был провозглашен на банкете по поводу одной из конференций, где присутствовали представители разных социогуманитарных наук, от этнографов и социологов до фольклористов и искусствоведов. Тост звучал так:

В театре, в котором я работал... третий тост принято было пить за святое искусство. Но, поскольку сегодня, вчера и позавчера действие сугубо маскулинное, я предлагаю выпить самый маскулинный тост из всех имеющихся: за присутствующих здесь дам! [общий одобрительный смех] [муж., ок. 35 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, М., 2003].

Собственно, оба варианта конструируют позицию профессионала (провозглашающего тост) как мужскую. Тост «за профессию» пьется от имени «нас, мужиков» («мужики» стоят в ряду других профессионалов); «за дам» – тоже от имени мужчин, а женщины оказываются в роли «иных». В некоторых «сугубо мужских» сообществах (например, в археологической разведке, на маршруте) пьют: «За отсутствующих здесь дам!», что уже явно выдает мужскую природу этого тоста. Если учесть, что коллективное застолье является формой экспликации неформальных отношений и структур профессионального сообщества, то приходится признать, что на символическом уровне структурная основа этого сообщества моделируется как «мужская» (мужская позиция профессионала моделируется как нормативная, подразумеваемая по умолчанию).

Инструментарий: проекция гендера

Рассматривая символические репрезентации гендера, обратим внимание на символику материальных атрибутов профессии, прежде всего, инструментария. Последний в фольклоре и просто повседневном дискурсе нередко одушевляется и, мало того, рабочим инструментам приписывается пол.

Так, у рок-музыкантов отмечен обычай давать музыкальному инструменту имя или название, указывающее на мужской или женский род.

Один владелец бас-гитары называет её «басом» и обращается с ним по-мужски, а другой... свой инструмент называет «басухой» и будет общаться с ним как с гёрлой [герла, от англ. girl – «девушка, девочка», в молодежном сленге обозначение девушки или молодой женщины своего круга] [ПМ: З. Бредова, СПб., 1998–1999].

Приписывание пола связано с одушевлением инструмента, приданием ему качеств партнера по коммуникации, как бы живого

существа. Теоретически «пол» может быть и мужским, и женским, но в имеющихся в нашем распоряжении интервью музыканты мужчины говорят об инструменте как «женщине». При этом отношения со своим музыкальным инструментом моделируются как любовные или супружеские, в терминах «любви», «верности», «близости». «Лютне, как женщине, нужна верность» – так озаглавила И. Бондаренко интервью с исполнителем музыки барокко Антоном Бирули.

Как-то я хотел бросить играть на лютне и поделился своими мыслями с другом. И он мне сказал: «Ты знаешь, это всё равно, что сказать женщине: может быть, завтра я тебя брошу, а может, не брошу... сам понимаешь, что тогда будет». Надо быть верным, и всё получится [Бондаренко, 2000. С. 5].

К той же модели описания своего отношения к инструменту обращается и рок-гитарист В. Гапонов:

Понимаешь, когда в твою жизнь входит гитара, то всё остальное, кроме неё и музыки, отходит на второй план. Разве можно бросить любовь? Да и работа приносит ни с чем не сравнимый кайф [ПМ: Н. Выродова, Е. Задорожная, 2002];

Вот я недавно купил новую гитару, – говорит другой гитарист, Алексей Летуновский, лидер рок-группы «Ливень». – Не скажу, конечно, что у меня с ней роман, но что-то похожее. Бережёшь её, конечно, лелеешь [ПМ: Н. Выродова, Е. Задорожная, СПб., 2002].

Собственно, гитарист здесь обсуждает не столько пол, сколько свое отношение к инструменту, а пол появляется постольку, поскольку это отношение моделируется по образцу любовно-брачных отношений.

В рамках этой модели приписывание рабочему инструменту женского пола означает конструирование маскулинной позиции профессионала. Это хорошо видно в интервью с водителем петербургского такси. Описывая отношение профессионала к машине, он говорил об уважении, необходимости «любить и ухаживать», и о том, что на заботу машина откликается как живая: «Намоешь машину, там, протрёшь, – и такое ощущение – она идёт иначе: легче движения, ну всё это». Услышав о «любви»

и «заботе», я решила проверить возникшую у меня ассоциацию и задала вопрос, есть ли у машины пол, и если да, то какого она пола.

Ну вообще для меня – женского, – уверенно ответил мой собеседник, – потому что я мужчина... естественно, для меня она женского рода, может, потому, что я мужчина... она для меня девочка: «девочка, поехали!» – бывает, просто в хорошем настроении – там, «девочка, ну...»; это интересно, это игра, так же, как в жизни своя игра, чем она будет приятней, тем легче... [муж., ок. 35 лет. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2005].

Здесь «женский» род автомобиля представлен как элемент маскулинности, «мужского» отношения к машине как «женщине». Суть этого отношения – власть, патерналистски понимаемая как власть-забота, позволяющая рассчитывать на ответную благодарность, выражающуюся в хорошей работе. Моделью такого рода власти служит отношение к женщине.

Настаивая на том, что приписываемый «род» машины зависит от пола водителя, мой собеседник утверждает, что водители-женщины обращаются к машине по-другому и даже по-другому гладят ее.

Женщина-водитель, даже как бы на этом сама женщина акцентировалась, – она вот: сидишь в машине, что-то разговариваешь – руки, и... они гладят машину иначе... сама женщина зафиксировала. Она, извините меня за такое сравнение, почему-то в основном гладит, э-э... переключение передач. Понимаете? А мужчина просто руль, и на руле есть выемки – и вот поглажу. Многие садятся в машину и сначала погладят. Я, бывает... заводишь, как скажешь: «Ну, зайнька, поехали». Естественно, для меня она женского рода, может, потому что я мужчина [муж., ок. 35 лет. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2005].

Таким образом, «пол» инструмента конструируется в данном случае как проекция гендерной идентификации самого его владельца. Подобный феномен отмечен и в других профессиональных средах. Физики, например, говорят о личном – «более, чем техническом» – отношении к установкам, на которых проводят эксперименты:

Мы разговаривали, как с одушевлённым... ну, например, вот у нас один технолог называет её – у нас две установки: одна моя, другая его – он называет «моя девочка»: «Ну что ты, моя девочка, сегодня за-хандрила?» [жен., 40 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

«Пол» инструмента, однако, может быть не только проекцией, но и продолжением идентичности своего обладателя, когда, например, инструмент профессиональной деятельности метафорически изображается как один из органов тела.

В фольклоре программистов [Маслов] компьютер может обладать как женскими, так и мужскими характеристиками. С одной стороны, женскими: компьютер ласково называют *писишка* (от РС – personal computer), а его составные части – *мама* (материнская плата) и *клава* (клавиатура); процесс работы на клавиатуре обозначается выражением *батоны жать*, заимствованным из тюремного сленга, где означает эротическое взаимодействие с женщиной. Программист, работающий на языке программирования Си, обозначается шуточно *насильник*, а само программирование соотносится с любовью: «Программирование (как и любовь) всего лишь одно слово. Но за ним скрывается множество занятий» [Маслов]. В этом случае женская метафорика компьютера предполагает мужскую позицию работающего с ним программиста¹⁴.

С другой стороны, тот же компьютер имеет и мужские идентификации: электронного друга называют *писюк* (от того же РС), а когда он перестает реагировать на запросы пользователя, говорится, что он *повис*. Наличие связи между двумя машинами через модемы называется *карьер*, и лучшее пожелание тем, кто работает в электронных сетях, – «Чтоб всегда карьер стоял!» (модификация известного мужского тоста: «Чтобы (...) всегда стоял!» – с пожеланием устойчивой потенции). В программистском фольклоре имеются и более прямые указания на мужскую идентификацию электронной машины:

---

¹⁴ Некоторые тексты дублируются в мужском и женском варианте. В противовес тексту: «Почему компьютер лучше женщины» – появлялись феминистские переделки типа: «Почему компьютер лучше мужчины» или даже «огурца». Однако такие переделки имеют вторичный характер. Идентификация же машины с «любимой» или «женой» – весьма продуктивный мотив, реализующийся во множестве разнообразных вариантов.

Вопрос: что общего между ЭВМ и половым членом? – Ответ: оба имеют два устойчивых состояния – либо стоит, либо висит [Маслов, Шумов, 2003].

В этом случае «пол» приписывается машине уже не как «партнеру» программиста по коммуникации, а как вынесенному вовне его «рабочему органу», то есть «мужская» характеристика машины здесь не подразумевает женской позиции работающего на ней человека, поскольку вообще не предполагает партнера. Следовательно, и в данном случае позиция программиста конструируется как маскулинная, а «пол» инструмента только усиливает, достраивая, его маскулинность, является вынесенным вовне ее продолжением и символом.

В программистском фольклоре мужская идентификация рабочей машины обыгрывается как продолжение образа самого программиста, внешний «орган» его тела, в то время как женская метафорика ЭВМ отводит машине место (зависимого) «партнера» по коммуникации. В том и другом случае метафоры «пола» подразумевают (а следовательно, поддерживают конструкцию) позиции профессионала как маскулинной. Надо заметить, что профессия программиста до сих пор остается одной из тех, где ярко выражено мужское доминирование как по численности работников, так и на символическом уровне («мужская» профессия).

Приписывание «пола» рабочему инструменту означает, что конструкции гендера размещаются в материальной среде профессии и тем самым включаются в комплекс профессиональной деятельности. Выполнение работы (программирование, мойка и переключение скоростей машины, игра на гитаре) одновременно становится и «деланием гендера».

Несмотря на то, что приписываемый рабочему инструментарию пол может быть как «мужским», так и «женским», нет полной симметрии между мужскими и женскими образами профессионала, которые подразумеваются такой метафорикой. В большинстве имеющихся в нашей коллекции случаев профессионалу остается мужская позиция. Варианты отношения к инструменту с позиции женщины конструируются по аналогии или контрасту с мужскими, но как производные от них и чаще всего логически

незавершенные. Так, в приведенном выше примере с водителями такси женщины, как утверждает рассказчик, по-другому глядят свою машину, но он ничего не говорит о «мужских» именах автомобиля и т. п. Любопытно было бы наблюдать, как подобная система идентификаций может измениться со временем, скажем, по мере возрастания числа женщин среди программистов или водителей и по мере того, как эти профессии будут становиться менее «мужскими».

Пока, однако, можно заметить, что метафоры «пола» инструмента характерны именно для мужских (на символическом и численном уровне) профессий. Вероятно, фемининность конструируется другими путями, не через символизацию инструмента профессиональной деятельности.

Обобщая приведенные материалы, можно заметить, что в обрядах посвящения, застольных текстах, символике инструментария обнаруживается одна и та же доминирующая тенденция: образ профессионала моделируется (по умолчанию, то есть в норме) как мужской. Можно предположить, что описываемые традиции формировались в мужской профессиональной среде и даже в условиях притока женщин продолжают поддерживать образ профессии как «мужской».

Табуирование женского

Конструкции гендера включаются и в контекст представлений о пространстве, где протекает профессиональная деятельность. Сохраняются проявления его табуированности для женщин. В числе профессиональных примет бытуют приметы об опасности женщин, причем речь может идти как о посторонних женщинах, так и родственницах, и клиентах, и даже женщинах-профессионалах.

Табуированность для женщин пространства профессии находит выражение в известном поверье о «женщине на корабле» (к несчастью). Оно переносится на самые различные корабли, средства передвижения – от воздушных до космических. У пожарных отмечен запрет брать женщин в пожарную машину. Кроме того, накануне дежурства нельзя вступать с женщинами в интимные отношения и даже просто спать в одной кровати с женой

[Шумов, Традиции...]. У космонавтов, по свидетельству К. Козеева, присутствие женщин на космодроме расценивается как дурная примета:

Это ещё со времен Королёва пошло. Он запрещал появляться женщинам на стартовом комплексе, около ракеты. Сейчас с этим не так строго, ведь сколько женщин побывало в космосе! Но всё равно этого негласного правила стараются придерживаться [Никулин, 2001].

Как утверждает К. Козеев, до сих пор не принято приглашать на старт родственников: жен и родителей участников космического полета. Запрет на присутствие в профессиональном пространстве женщин здесь сопрягается с запретом на присутствие родственников, членов семьи, смысл которых – поддержание разделения, символического барьера между семейной и профессиональной сферами. У бортпроводников гражданской авиации существует негласный запрет брать с собой фотографии близких – считается, это «очень нехорошая примета». В полете не принято также обсуждать личную жизнь, семейные отношения – все это можно, но только на земле [жен., 24 года. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2005]. Семья, точнее, жена, в некоторых поверьях фигурирует как источник мистической опасности. У летчиков существует поверье о «черной вдове» – женщине, похоронившей одного или двух мужей. Женитьба летчика на такой женщине может стать причиной необъяснимых авиапроисшествий и катастроф [Старобинец, 2001. С. 11]. Работники аэропорта Пулково рассказывают, что у футболистов петербургской футбольной команды «Зенит» существует обычай не брать на борт женщин – они будто бы приносят несчастье (проигрыш, неудачную игру). Поэтому «Зенит» сопровождает специальная мужская бригада бортпроводников [жен., 24 года. ПМ: Т. Щепанская, 2005]. Подобные представления конструируют символический барьер между сферами профессии и личной жизни профессионала.

Однако запрет на появление в пространстве профессии, направленный на знакомых и родственников, в ряде случаев переносится и на женщин, занятых профессионально в данной сфере деятельности. Так, в водительской среде очень распространено

представление об опасности женщины за рулем, подкрепляемое поговорками типа:

Женщина за рулём – это обезьяна с гранатой [ПМ: М. Морева, 2002]; Баба за рулём хуже, чем фашист на танке!; [она] на пяти цилиндрах едет [имеется в виду, что двигатель четырехцилиндровый] [Соколов, 1999].

Эти представления проецируются в сферу профессиональной деятельности, например, водителей такси.

В наше время это вообще модно: женщина за рулём, – говорит опытный водитель такси [мужчина]. – Они ездят вообще непонятно... Ну, у женщины своя логика, и мне трудно объяснить, никогда не внедрялся в изучение этого, поэтому... ну, я не знаю, почему-то именно женщины путают «лево» с «право». Почему – не могу объяснить. Она включит правый поворот, может поехать налево... это природа. Поэтому, может быть, и играло свою роль, когда действительно, раньше не давали возможность женщине учиться на водителя. Ну, на категории-то точно... [муж., ок. 35 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Характерно, что ссылки на мифологему «особой природы» женщин служат здесь обоснованием профессиональной сегрегации, ограничения доступа женщин в профессию. Среди профессионалов-таксистов распространено представление об опасности женщины и в другой профессиональной роли – инспектора дорожного движения. Обсуждая тему взаимоотношений таксистов с сотрудниками дорожной инспекции, я задала вопрос: есть ли сотрудники, которые пользуются у водителей нехорошей славой? И получила ответ:

Ну да, какое-то время на Московском проспекте дежурила женщина, я даже знал имя-отчество её – именно женщина была сотрудник ГАИ, – был вот такой слух, что это очень жёстко: если уже остановила – всё: ни деньги, ничо не поможет. – А что – штраф что ли? – Да, именно штраф жёсткий, и составление протокола и так далее [муж., ок. 35 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Отдельный пласт профессиональных примет связан с клиентами, точнее, с первым клиентом. Женщина и в этой роли маркируется отрицательно. У торговцев, официантов, водителей такси,

врачей зафиксировано поверье, что первый клиент мужчина – хорошая примета, сулит удачный день. У торговцев, если первую покупку сделал мужчина, считается, что «будет торговля», «активная продажа», товар «легко уходит» [Петрова, 1998]. Среди занимающихся мелкой торговлей, особенно в уличных павильонах, распространен обычай после первой удачной и крупной покупки обмахивать полученными деньгами оставшийся на прилавке товар: считается, после этого он легко «уйдет». По некоторым свидетельствам, обмахивать товар можно только в том случае, если первую покупку совершил мужчина [эта и целый ряд других примет, связанных с торговлей см. на сайте О. Винокурова, 2003]. У таксистов, если первым сел пассажир-мужчина, не будет *кидалова* (отказа клиента платить по счету), «минималок» (близких и невыгодных поездок), а будут дальние поездки и клиенты, готовые платить, не обсуждая стоимость поездки. Официанты, если первыми за столик сели мужчины, ожидают, что весь день будут хорошие чаевые. У хирургов, если первым пациентом был мужчина, то, как говорят, весь день операции будут проходить удачно, без осложнений, будут хорошо срастаться раны [Чередникова, Кром, 2004] [ПМ: И. Ивлева, СПб., 1998; ПМ: О. Козина, Саратов, 2004; В. Монич, СПб., 2000; Т. Щепанская, СПб., 2004]. Первый клиент женщина сулит, соответственно, неудачный день. У хирургов особенно плохая примета связана с пациенткой-блондинкой [см.: Сайт О. Винокурова, 2003]. Предпочтение клиентов мужчин у медиков закладывается, по всей видимости, еще в период обучения в медицинских институтах. С занятиями по препарированию трупа в анатомическом отделении у студентов связана примета, что сдача зачета и вообще хирургические манипуляции проходят удачнее, если препаратом служит тело мужчины [жен., 26 лет, 4 курс ПМУ (1-го Мед. ун-та), СПб. ПМ: В. Монич, 2000].

Рассматривая приметы об «опасности» женщины в роли клиента, можно обратить внимание на то, как пол клиента соотносят с полом и брачным статусом профессионала. Приведем пример из воспоминаний одной из девушек, обучавшихся вождению автомобиля. Инструкторы, как правило, мужчины, рассматривают женщин как трудных клиентов:

Инструктор был мужчина. Да, причём, когда у меня был экзамен, очень волновался и как-то сказал, что ужасно учить женщину водить – это настолько страшно.

При этом инструктор высказывал неудовольствие тем, что его ученица все время хваталась за его кресло в автомобиле, и говорил, «что он мне не муж ведь, ничего» [жен., 20 лет. ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004], очевидно, указывая на недопустимость переноса в профессиональную сферу образцов поведения, характерного для любовных или супружеских взаимоотношений мужчины и женщины.

Другой пример – из практики учителя иностранного языка в средней школе. Придя в школу совсем молодым человеком (на момент интервью ему 20–22 года, и он работает в школе около года), мой собеседник столкнулся с так называемым «трудным классом». Причем более опытные коллеги ему предсказывали эти трудности заранее:

Когда я после первого же или второго урока пришёл в курилку, я сказал: «Насколько интересен класс “В”». От некоторых преподавателей тут же я услышал смешки в мою сторону... они сказали: «А. [имя], “В” класс, конечно, хороший, но, тем не менее, ты с ними намучаешься... Это был раз. Потом после третьего урока, я имею в виду, после третьего дня в школе, я пришел и сказал: «Как же мне сложно общаться с седьмым “В”». В ответ мне сказали: «Естественно. Там же одни девочки»,

то есть «трудным» признан (причем заранее) «женский» по составу класс. Характерно, что коллеги связывают эту «трудность» с полом и молодостью самого учителя: «Они мне сказали: – А., ты молодой, они все в тебя влюбились». Затем, уже наедине, одна из учительниц сказала:

Это нормально совершенно. Когда... училась в школе, к нам пришёл один молодой учитель – мы в него были влюблены... это естественно, воспринимай это как неперемное условие [муж., ок. 20–22 лет. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2004].

Трудности, возникающие у молодого учителя, его коллеги с готовностью интерпретируют исходя из пола учащихся. В этой интерпретативной схеме (задействованной и в первом примере)

различие пола профессионала и клиентов автоматически означает проецирование на их отношения матрицы брачных отношений (супругов или возлюбленных) и одновременно их табуацию.

Обратим внимание, что вся эта схема действует, когда в роли профессионала выступает мужчина, то есть клиент и профессионал разнополюсы. Но, например, в мелкой торговле, где получила распространение примета о первом покупателе, большинство продавцов – женщины, и, казалось бы, это противоречит выстроенной выше схеме. Однако в их фольклоре также можно видеть моделирование представления о продавце как мужской роли. Один из магических приемов: «Раскладывая товар, сказать: “Товар мой лицом, сам(-а) я *молодцом*”» [см.: Сайт О. Винокурова, 2003] [курсив мой. – Т. III.]. Кроме того, в женской среде та же примета получает иную мотивировку: считается, что первый покупатель женщина – плохая примета, особенно если эта женщина «скандальная», иногда таким женщинам приписывается дурной глаз. Таким образом, в интерпретации уже не используется матрица отношений между полами, зато актуальными оказываются представления о неуживчивости женщин и их магических способностях.

Однако по умолчанию в отношениях «профессионал – клиент» роль профессионала считается мужской, что может быть символическим выражением асимметрии (иерархичности) традиционных во многих областях деятельности патерналистских отношений. Характерный пример реализации такой модели из шуточного текста, озаглавленного «Библия» программистов:

Но надоело Ему создавать программы самому, и сказал Бог: создадим программиста по образу и подобию нашему, и да владычествует над компьютерами, и над программами, и над данными. И создал Бог программиста, и поселил его в своем ВЦ, чтобы работал. И сказал Бог: не хорошо программисту быть одному, сотворим ему пользователя, соответственно ему. И взял он у программиста кость, в коей не было мозга, и создал пользователя, и привёл его к программисту; и нарёк программист его юзером [Сайт «Санкт-Петербургская региональная...», 1998].

Пара профессионал (программист) – клиент (юзер) описывается по образцу сюжета о сотворении первых людей; программисту да-

ется «власть» и мужской статус, пользователю-клиенту – соответственно, женский. Бытование примет о женщине как «трудном» клиенте в разных профессиональных средах (как с численным преобладанием мужчин, так и женщин профессионалов) может быть частью этой матрицы, где роль профессионала в общем виде рассматривается как «мужской» (властный, субъектный) полюс патерналистски организованных отношений.

Несмотря на различие мотивировок, в дискурсе разных профессий сохраняются признаки символического исключения женщин из пространства профессии. По всей вероятности, речь идет об отрицательном маркировании женского как такового, как части общей стратегии символического конструирования барьера между сферами профессиональных и семейно-брачных отношений.

Деконструкция фемининности

Итак, в неформальном дискурсе профессий маскулинность находится в прямой корреляции с профессионализмом: повышение профессионального уровня одновременно означает и утверждение маскулинности. По отношению к фемининности наблюдается обратное соотношение. Демонстрация профессиональных успехов может быть истолкована как дефеминизация: актуализируются такие фольклорные схемы, как приписывание женщине «мужского склада ума», «мужского видения» или «мужского характера». Опытнейший профессионал, доктор технических наук, работающий в ФТИ, не отрицает убеждения в том, что мужчины, как правило, в технике разбираются лучше. Не отрицает он и наличия исключений:

Я знаю женщин, которые в технике понимают не меньше, чем мужчины. Я знаю таких женщин. Но у них такой склад мышления, я бы сказал, мужского. Они рационально смотрят на... глазами мужчин вот на данный предмет [муж., ок. 60 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Работник-мужчина, совершенствуясь и продвигаясь в профессии, тем самым утверждает и свой мужской статус. Ситуация женщины-профессионала асимметрична: рост профессионализма и даже признания ее как профессионала отнюдь не означает автоматически повышения ее женского статуса. Молодая петербурженка,

работающая в аппарате одной из политических партий, рассуждает о статусе женщины в политике:

Я слышала одну шутку. Она относится к двум: женщине-политику и женщине-физику. Чем схожа женщина-политик и морская свинка? Подобно тому, как морская свинка не имеет отношения ни к свинке, ни к морю, так же женщина-политик не имеет отношения ни к политике, ни к женщине... Мне это вообще-то говорили про женщин-физиков в моем институте. Но я переделала, и всем очень понравилось [жен., 1983 г. рожд. ПМ: Д. Лапатухина, 2002].

Любопытно отметить, что эта шутка звучит из уст молодой женщины, обучающейся в техническом вузе (ИТМО) и участвующей в политической деятельности; видно, как стереотип профессиональной среды, усвоенный в процессе обучения технической специальности, транслируется в другую сферу деятельности – политику.

Стигма дефеминизации включается уже при вступлении женщины в профессиональную сферу, давая себя знать еще на этапе обучения, в студенческом фольклоре. Женщине-профессионалу в дискурсе разных профессий приписывается недостаток или отсутствие красоты, способности к материнству, – то есть качеств, составляющих традиционный конструкт «женственности».

Архитектура – не женская профессия, – говорит в интервью женщина-архитектор, поясняя: даже среди молодёжного сленга «архитектор» – «некрасивая девушка», так как из-за постоянного напряжения портится зрение, очки с большими диоптриями... нет времени следить за собой – на голове наспех собранный пучок волос... Пальцы в мозолях от карандашей. В общем, не очень привлекательная картина [ПМ: Аверичева, СПб., 2002].

Мотив «некрасивости» коллеги женского пола присутствует и в студенческом фольклоре инженерных и физических вузов:

Проходят два парня мимо двух девушек на физтехе: – Физтешки! – Сами уроды!!! Не женитесь на курсистках, они толсты, как сосиски (из фольклора МАИ) [Сайт студентов Московского...].

Неожиданным для меня было появление подобных мотивов у будущих медиков: «Лучше сесть на кучу шлака, чем <...> девиц

с лечфака», – это из фольклора Медицинского университета [ПМ: В. Мониц, СПб., 2000].

Мотив «некрасивости» женщины может быть связан с отсутствием мужского взгляда, формирующего образ «красивой женщины». В профессиональной сфере взгляд мужчины обращен к предмету его деятельности, он занят работой – «красота» не то чтобы деконструируется, она просто не начинает существовать. К этим мотивам прибегают, например, программисты, объясняя малочисленность в своей среде женщин:

Женщине нужно внимание, от программиста какое внимание, он сидит, вот, монитор, в него смотрит. Женщина может хоть раздетой ходить, мало кто заметит сначала. Программисты конторы типично сидят и смотрят в компьютер [ПМ: М.В. Чунаева, СПб., 2005].

В этом варианте отсутствие мужского взгляда означает несформированность самого женского образа – отсутствие женщин в среде коллег представлено как ее результат. Любопытно отметить онтологизацию символической конструкции (точнее деконструкции) фемининности: отсутствие образа женщины (который в данном понимании может быть сформирован только мужским взглядом, восприятием сотрудницы «как женщины») отождествляется с отсутствием женщин-работников в реальности. Мотив «отсутствия взгляда» / дефеминизации актуален как в «мужском» сообществе программистов, так и в «женском» учительском коллективе – там из-за отсутствия или малочисленности мужчин. Фольклорный образ учительницы не избежал дефеминизации, проявляющейся чаще всего в подчеркнуто бесполом стиле одежды. Тема одежды учительниц обыгрывается в профессиональных байках и анекдотах. Приведу пример – рассказ, представленный рассказчиком как случай «с одной учительницей»:

Приходит одна учительница в магазин и спрашивает: Сколько эта кофточка стоит? – а продавщица ей отвечает: Вы что, женщина, такие же только учителя носят! Вы что, учитель что ли?! [муж., ок. 20–22 лет. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2004].

Сами женщины этой профессии в интервью нередко признают существование «клейма» учительницы, стремление, но невозможность от него избавиться:

Стараюсь не иметь отпечатка преподавателя в одежде, но это не всегда получается. Лишь летом я позволяю себе освободиться от серой одежды. Вещи покупаю только для работы, предпочитаю классический вариант, на века, два-три костюма [жен., ок. 40 лет. ПМ: М.В. Пшеная-Северина, 1999].

Женщинам, посвятившим себя профессии, приписывается утрата (или опасность утраты) и других значимых женских качеств, прежде всего, способности к материнству. Так, в среде акушеров-гинекологов бытует представление,

что трудно принимать роды у педагогов, женщин творческих профессий и врачей, – это говорит женщина-гинеколог с большим стажем работы в системе родовспоможения. – Педагоги все нервные, экзальтированные и ведут себя очень шумно. Творческие люди очень эмоциональны: увидят какую-нибудь медицинскую аппаратуру и сразу в слёзы, да ещё неадекватно на просьбы реагируют. Про врачей я вообще молчу – у них почему-то чаще всего случаются осложнения [Кудрявцева].

Убеждение в том, что женщинам их профессии особенно трудно рожать, отмечено отнюдь не только у представителей профессий, символически относимых к «мужским». Наиболее распространено оно в среде медиков, а также у стюардесс, профессия которых как раз считается «женской»:

Наша работа, она сажает вот жизнедеятельность женщины, в принципе, и сажает также почки, – утверждает молодая бортпроводница. – Высота, перепады такие давления, естественно, вот. И, ну, вероятно, мы какую-то долю радиации все-таки схватываем... большинство просто женщины в семьях не имеют своих детей. И по статистике... семьдесят процентов, которые берут из детдомов, и не по одному, а даже по два [улыбается]... происходят конечно же внутренние, говорят, жуткие изменения [жен., 24 года. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

«Красота», «фертильность» – элементы феминности – включаются из образа женщины-профессионала или представлены в фольклоре как противоречащие профессионализму. Эта стратегия может проявляться в реальных ограничениях, накладываемых на проявления феминности правилами профессиональной деятельности.

Существуют правила, определяющие внешний вид работника, причем заложенные в них ограничения касаются, в первую очередь, внешних проявлений фемининности. Для некоторых профессий подобные ограничения фиксируются в виде формальных инструкций. Так, стюардессам положена

по уставу «форменная фирменная одежда», – говорит молодая представительница этой профессии, подчеркивая, что инструктор, присутствующий на борту, проверяет даже мелкие детали костюма. – Строго платочки должны быть завязаны на один манер в бригаде. То есть если две рядом бригады вылетают, у одной бригады так платочки (но одинаково), у другой так – ничего страшного. Но на самолете должно быть одинаково. В этом высший профессионализм считается, что полное совпадение... Это видеть надо, здесь очень сложно [смех]. Не допускается длина юбки выше колен. Не допускается высокий каблук... Вот. Очень строго относительно причёски. Мне вообще очень сложно, потому что тот, кто составлял в своё время эти критерии, – видимо, это была женщина со стрижкой, потому что мне мои косы убирать в маленькую, аккуратно, чтоб она... – ну, делается хвостик аккуратный или заплетается кичка красиво, всё шпилечками это обрамляется, вот, причёска не должна касаться воротничка рубашки. Вот. Очень обидно, что тоже ногти должны быть определённой длины... потому что мы вроде как связаны с питанием по санитарным нормам, вот... [жен., 24 года. ПМ: Т. Щепанская, СПб., 2005].

У этнографов и фольклористов, особенно молодых, существует стереотип того, как должна выглядеть женщина в экспедиции, во время работы с информантами: длинные ситцевые юбки, платочки на головах; сами они посмеиваются, но, тем не менее, исправно воспроизводят этот стереотип. Не принято появляться в деревне в шортах или короткой юбке, – считается, что это может настроить местных жителей против приезжих и не способствует успешной коммуникации.

Устоявшийся стереотип внешнего облика связан с профессией школьной учительницы. На этот счет не существует таких формальных инструкций, как у бортпроводниц – определенные требования к внешности поддерживаются самой профессиональной средой и разделяются большинством представителей этой профессии.

Учитель в рамках должен, более строго так одеваться, – говорит учительница математики. – Чтоб такой пестроты не было. Ещё не хватало, чтобы голое что-то торчало. Я всегда сама признаю тёмный тон, чтобы кофточка была. Как раньше в кино мы видели: учитель в основном в костюмчике. И старалась тоже так одеваться [жен., 66 лет. ПМ: А. Воронина, СПб., 2004].

Примечательна ориентация на культурные образцы, образы профессионалов, созданные масс-медиа.

В интервью упоминаются случаи, когда открытая демонстрация женственности может привести к прямым санкциям, вплоть до увольнения. С такой ситуацией столкнулась студентка СПбГУ во время работы гидом в одной из туристических фирм:

Посещала... курсы гидов-переводчиков. Там тоже преобладали девушки. Но могу рассказать случай из своей рабочей практики. Вот на курсах я и моя подруга были самыми лучшими, мы лучше всех сдали экзамены, получили лицензии. Когда дело дошло до работы, мы однажды пришли в каких-то броских костюмах на встречу с нашими туристами. И потом нас выгнали из этой фирмы, сказав, что: «Девушки, если выглядят так легкомысленно, значит, наверное, у них за душой, там, ничего и нет, никаких знаний уж подавно» [жен., 20 лет. ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004].

Надо заметить, что в данном случае говорится отнюдь не о «мужской» профессии – большинство гидов женщины, как, к слову, и большинство учителей. Однако это не снижает степень регламентации внешности в направлении исключения маркеров фемининности. Примечательна интерпретация:

Ну, здесь я просто, вот, сделала для себя вывод, что нужно вести себя прилично, никак свою индивидуальность не проявлять, особенно в одежде, потому что... ну, такой стереотип существует: если девушка нормально выглядит, там, следит за собой, как-то ярко одевается, то значит нужно её... значит у неё какие-то провалы в знаниях, потому что, ну, такой стереотип – если девушка привлекательна, то значит, она не очень умная [жен., 20 лет. ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004].

Личный опыт исключения здесь интерпретируется через стереотип, устанавливающий обратную зависимость между женской привлекательностью и оценкой профессиональных качеств.

В другом интервью содержится указание на то, что подобный стереотип транслируется системой образования, в том числе высшего:

Я помню, по философии был преподаватель, который у нас был, он как-то сказал: ну, в общем-то, я считаю, что девушки заботятся только о том, чтобы их голова была красивая – причёска, макияж и всё такое, а вот чтобы умные – вряд ли [жен., 20 лет. ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004].

Если судить по этим примерам, возможны ситуации, когда «некрасивость» профессионала-женщины не только приписывается как стереотип, но в некоторых случаях и предписывается как требование. Стремление «нормально выглядеть» (речь идет, вероятно, о «норме» женственности, принятой в повседневном общении участниц исследования) в профессиональной сфере расценивается как нарушение нормы (профессиональной) и способно повлечь санкции, вплоть до потери работы. Стереотипы, бытующие на уровне неформального дискурса и транслируемые в фольклоре, как показывают эти примеры, способны оказывать влияние и на принятие формальных решений, как основания для исключения женщины или, по меньшей мере, накладывания на нее дополнительных ограничений.

Вернемся к стереотипам фольклорного дискурса. Анализируя фольклор целого ряда разнообразных профессий, мы могли наблюдать, что фиксируемые в нем конструкции гендера базируются на общем принципе: между профессионализмом и маскулинностью фиксируется положительная, а между профессионализмом и фемининностью – скорее отрицательная корреляция. Иными словами, профессионализм включается в символический конструкт маскулинности как одна из ее характеристик, но в то же время разрушает фемининность как характеристика, ей противоречащая. Шкала маскулинности однонаправлена со шкалой профессионализма (повышение оценки по одной из них означает и повышение по другой), шкала же фемининности – напротив, обратна ей.

Характерно, что этот принцип действует как правило порождения текстов – конкретных конструкций гендера – как в профессиях, имеющих репутацию «мужских», так и в «женских»

статистически (учительницы) или символически (стюардессы). В «женских» профессиях он имеет несколько иные мотивы, чем в «мужских», но как порождающий принцип продолжает действовать, генерируя фольклорные тексты и мотивировки в конкретных ситуациях. Проявлений противоположного принципа, когда бы профессионализм повышал оценку по шкале фемининности, либо проявления женственности автоматически повышали бы статус работницы как профессионала, не были зафиксированы в фольклоре ни одной из профессий. В целом, фольклорные комплексы разных профессий структурно однотипны, и в части моделирования гендера – в том числе.

Возникает вопрос, кто же является носителем профессионального фольклора? Профессиональная среда в целом или замкнутые мужские сети в рамках этой среды? Может быть, это дискурс доминирующей (мужской) группы, как всякий доминантный дискурс, выдающий себя за общий для данной среды? Поскольку мы записывали тексты как мужчин, так и женщин, то следует заключить, что женская часть профессиональных сообществ обычно разделяет те же фольклорные модели и участвует в их трансляции. Но это характерно для любого гегемонистского дискурса, который, выражая интересы доминирующей группы, претендует на репрезентацию позиции всего сообщества.

Можно предположить, что описанный выше массив текстов сформировался на базе мужских неформальных сетей, занимавших доминирующее положение среди профессионалов, и что сложившаяся именно на базе этих сетей профессиональная идентичность включала и маскулинность как один из важных параметров. Если так, то в фольклоре профессиональных сообществ под видом профессиональной идентичности моделируется идентичность, основанная на принадлежности к мужским неформальным сетям.

Среди матриц, по которым в фольклоре профессий конструируется маскулинность, можно отметить систематически воспроизводимую маскулинность военного характера, представленную как вариант «традиционной».

Матричная функция армейского дискурса по отношению к профессиональному проявляется и на официальном уровне

(некоторые формы организации, управления, символики профессий строятся по армейскому образцу), но нас сейчас интересует влияние армейских традиций в неформальном дискурсе. Можно отметить две формы этого влияния. Во-первых, прямые заимствования текстов и ритуалов из армейской субкультуры, примеры которых были отмечены и в нашем обзоре. Во-вторых, ориентация на армию как моделирующую структуру – источник легитимаций, объяснений, мотивировок, а в конечном счете – ценностей, обосновывающих те или иные действия профессионала. Такая ориентация проявляется в систематически употребляемых метафорах, представляющих профессиональную деятельность как военную. Торгующие на рынке и водители такси употребляют «военные» метафоры применительно к конкурентным отношениям (ср.: «торговые войны»). «Я не помню, в каком году мы собирались на Исаакиевской площади... до этого целая война, битвы даже были... с частным извозом», – рассказывал таксист из Санкт-Петербурга, вспоминая, что иной раз конкуренция между профессиональными таксистами и частниками, работающими без лицензии, выливалась в реальные столкновения:

Раньше было вот так: частник останавливался, берёшь, подлетаешь, он быстренько раз по газам – и убегает. Потому что считалось, что он просто ворует: это твоя работа! Ты занимайся своим делом или иди купи лицензию. Купи лицензию! Поставь шашку и те никто слова не скажет. Здравый смысл в этом есть, понимаете? Мы как бы работаем – мы за всё платим. Все налоги и так далее. А он без ничего. Чисто ворует, грубо выражаясь, он вдобавок ворует твой хлеб [муж., ок. 35 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

К «военной» метафорике обращаются и представители врачебной профессии, особенно работающие в системе «Скорой помощи». Работники 12-й реаниматологической подстанции «Скорой помощи» в Санкт-Петербурге считают элитой своего коллектива четыре реанимационно-хирургические бригады (РХБ), называя их еще *штурмовики* [Бойцова, 1999]. Армейские ассоциации обнаруживаются и в интервью с сотрудниками Института им. Склифосовского. Врач первой Градской больницы (Москва) И. Ласкавый проводит параллель между правилами медицинской профессии и воинским уставом: «Говорят, воинский устав написан

кровью, – говорит он корреспонденту газеты. – Но медицинские правила тоже пишутся кровью...» [Светлова, 1999]. О том, что правила их профессии «написаны кровью», говорят не только военные и медики, но также и водители, подводники-аквалангисты (в том числе гражданские), летчики и другие работники авиации, электротехники, работники металлургии, пожарники [см. примеры таких метафор: Стратегия развития... 2002; Хомутов, 2001] и даже экономисты – специалисты по управлению капиталом:

Без преувеличения можно сказать, – полагают представители этой профессии, – что правила управления капиталом написаны кровью трейдеров и помогут выбрать объём торговых сделок, определить максимальный уровень потерь и построить торговую тактику в конкретной рыночной ситуации [Сайт Самарского представительства].

«Военные» метафоры эксплицируют ориентацию на армейские образцы как моделирующие по отношению к профессии. Подобная ориентация проявляется иногда и на формальном (институциональном) уровне, например, в организации научных экспедиций: в наименованиях подразделений («отряды»), повышенной субординации – принцип единоначалия, некоторых особенностях снаряжения. Это не кажется случайностью, если вспомнить, что еще в 30-е годы XX века научные экспедиции в отдаленные районы (например, в Среднюю Азию) выезжали в сопровождении военного отряда (или, скорее, наоборот, сопровождали его) [Прищепова, 2000. С. 138–139]. В наше время военные метафоры экспедиции сохраняются скорее на неформальном уровне. Из стенгазеты, висевшей в конце 1990-х годов на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ, посвященной поездке в Тихвинский район Ленинградской области:

Четвёртый десантный легион, он же поющая эскадрилья, он же Тихвинский отряд... Используется для заброски в особо глухие участки Ленинградской области с целью разведывательной работы и быстрой атаки [ПМ: Т.Б. Щепанская, запись, 1999].

Воинские метафоры обычны в экспедиционном фольклоре. Каргопольская экспедиция Института этнографии АН СССР (теперь МАЭ РАН) в 1986 году работала в районах Архангельской

области, которым угрожало затопление по проекту переброски на юг воды северных рек. Проект тогда активно продвигался Минводхозом:

Но заслон им тут поставлен прочный,
Кафедралы здесь толпой стоят.
Всем, чем можно и нельзя, порочный,
Здесь стоит Архангельский отряд.

«Кафедрал» – здесь: выпускники кафедры этнографии СПбГУ. Песня написана на мотив известной песни о пограничниках («На границе тучи ходят хмурые...») [авторство текста приписывается С. Старостенкову].

Еще одна экспедиционная песня, также по матрице военной песни («Вставай, страна огромная»), написана в конце 1990-х годов участниками студенческой экспедиции кафедры этнографии:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С забвенья силой тёмною,
С тоскою неживой.
Пусть пламя предрассветное
Играет в стремених.
Идёт война заветная,
Священная война.
Дадим отпор грабителям
Преданий и знамён,
Творцам и истребителям,
Хранителям времен.

Подобные метафоры систематически появляются в песнях, шутках и байках археологических, искусствоведческих и прочих экспедиций.

Вместо шелома кепочка,
Но дерётся, как лев –
На позиции Глебушка,
На позиции Глеб.

(из археологической песни, посвященной Г.С. Лебедеву, петербургскому археологу; запись, 1999). Воинские метафоры переносятся

и на внеэспедиционную повседневность научных сообществ. Следующие строчки из текста капустника, посвященного 50-летию Института этнографии АН СССР, посвящены его тогдашнему директору, Р.Ф. Итсу:

Рука тверда! Перо отточено!
Равнение держит ряд страниц!
На неизведанные вотчины
Ведёт нас в бой фельдмаршал Итс!

«Военные» метафоры, а в особенности их систематическое повторение, обнажают роль армии как образца, по которому строятся целые пласты профессионального фольклора. Не единичны и случаи прямых заимствований из армейского фольклора, в особенности, как мы выше видели, текстов, связанных с комплексами посвящения.

«Воинские» метафоры, актуализируясь как элемент романтизации и героизации профессии, вносят вклад в поддержание символической идентификации профессионализма и маскулинности.

Итак, рассмотрев фольклор разнообразных профессий, мы обнаружили, что конструкции гендера в нем соотносятся с профессионализмом по одному и тому же правилу: профессионализм моделируется через конструирование маскулинности / деконструкцию фемининности. Иными словами, профессионализм в фольклорном дискурсе моделируется через символы маскулинности. Это наблюдение сделано в результате рассмотрения тех мотивов и тем, которые обнаружены в неформальном дискурсе разных профессий, повторяясь как сквозные, а потому и включаемые нами в гипотетическую общую модель профессиональной субкультуры.

Однако следует задаться вопросом, а как обстоят дела в «женских» профессиях? Отчасти ответ уже содержится в представленных материалах: в основном, они воспроизводят стереотипы, утвердившиеся в «мужских» средах: либо на уровне конкретных тем, либо – с большей вероятностью – на уровне общего принципа, может быть, с некоторыми особенностями выражения его.

«Женские» профессии и производство фемининности

Нужно отметить еще одно обстоятельство, с которым мы столкнулись в ходе полевой работы: в «женских» профессиях (в поле нашего зрения попадали бухгалтеры, операторы пейджинговой связи, манекенщицы, женские сообщества торговцев на рынке и др.) профессиональный фольклор вообще слабее выражен. Во всяком случае, нашим собирателям (в основном, женщинам) не удалось сделать сколько-нибудь систематических записей – надеюсь, это еще впереди. Самый развитый и обширный фольклор, с устойчивой стереотипизацией, ритуализацией записан от представителей профессий, имеющих репутацию «мужских», или «мужских» специализаций внутри профессии. Хотя сами записи делались в этих средах нередко от женщин, которые бывают замечательными хранителями традиций (делают и хранят стенгазеты, альбомы, осуществляют подготовку к ритуалам и т. д.). Говорит ли это о недостатках записи – или о том, что женщины в профессиональной деятельности в меньшей степени образуют неформальные структуры (а следовательно, и базу для формирования фольклорного дискурса), ориентируясь главным образом на официальные связи?

Этому предположению в некоторой степени противоречит обнаруженный собирателями в женских коллективах фольклор – но только иного рода: не собственно профессиональный (воспроизводящий символический конструкт профессионализма), а скорее связанный с символикой семьи, воспроизводящий этику семейных ролей. Например, И. Ивлева, исследуя женские сообщества на уличных рынках, обнаружила там ориентацию на этику материнства и ссылки на нее в качестве средства легитимации в разных конфликтных ситуациях [Ивлева, 2001]. Встречается в женских сообществах и апелляция к архаическим ритуальным схемам, таким как гадания, обвинения в колдовстве, бытовой магии. Иными словами, вместо того, чтобы создавать особую субкультуру профессии, они склонны в профессиональной деятельности апеллировать к опыту семейных ролей, как к разделяемому ими общему опыту, на базе которого появляется возможность

сформировать «женскую» субкультуру в рамках профессиональной среды, но неспецифичную для конкретной профессии.

Тем не менее есть профессии (или отдельные рабочие места), где «правило дефеминизации», как кажется, не выполняется: профессиональная деятельность не табуирует, а, напротив, требует производства фемининности. Следует ожидать, что речь идет о «женских» (в символическом смысле) профессиях, где «делание профессии» есть и «делание (женского) гендера». Действительно, на рабочих местах официантки, секретаря-референта и других «женских» – в число требований, явно или неявно предъявляемых к работнику-женщине, входит внешняя привлекательность. По свидетельствам офисных работников и официанток, отклонение от представлений работодателя о красоте может привести к увольнению работника:

Если девушка не нравится чисто внешне, её могут уволить, – говорит в интервью официантка. – С мужчинами такого не бывает? – Нет, не бывает [жен., 20 лет. ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004].

Демонстрация феминных качеств ожидается и от стюардессы. Выражением этого, среди прочих, служат, как говорила представительница этой профессии,

два требования, за что тоже могут отстранить от рейса: отсутствие маникюра, то есть если лаком не покрыты светлым ногти, – и отсутствие губной помады [жен., 24 года. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

В то же время внешняя привлекательность не связана с возможностью профессионального роста:

Если приходит в коллектив мужчина, то его чаще продвигают по службе, там, через полгода он уже может быть администратором, хотя никаких качеств администратора не имеет, вот, а девушек – девушки, в основном, как бы красивая часть интерьера [жен., 20 лет. ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004].

Внешняя привлекательность, открывая доступ в профессию, может быть препятствием в дальнейшем профессиональном продвижении (видимо, из-за актуализации противопоставления

«феминности» и «профессионализма» – повышение оценки по шкале феминности прочитывается как снижение – по шкале профессионализма).

Несмотря на то, что определенные феминные качества (аккуратность, ухоженная внешность, спортивная форма) входят в число профессиональных требований, предъявляемых к стюардессе, нельзя сказать, что они способствуют ее карьерному продвижению. В стандартной бригаде бортпроводников пять человек («номеров»): первый номер – руководитель бригады, пятый номер принимающий «коммерческой загрузки», обычно мужчина; остальные три выполняют основную работу по обслуживанию пассажиров в салоне воздушного судна. Пятый номер в салон обычно не ходит. Возможности профессионального роста для бортпроводников ограничиваются (как правило) возможностью занять должность инструктора бригад – но эта возможность реальна для стюардов, так как, по словам работницы АК «Пулково», «как правило, инструктора – это мужчины», то есть больше вероятности перейти туда из «пятых номеров». Пятыми номерами ставят чаще мужчин из-за ответственности, связанной с приемом дорогостоящего груза, – «Поэтому эта ответственность с девочек снимается», то есть мужская работа ассоциируется с большей ответственностью, чем женская (отнимающая больше времени и сил во время полета). Для них остается еще одна возможность карьерного продвижения (хотя и очень незначительного) – перейти в «первые номера», то есть стать руководителем бригады бортпроводников. Однако в последние годы наметилась тенденция ставить и «первым номером» мужчину. По мнению моей собеседницы, стюардессы (24 лет), работающей в «Пулково», наличие двух мужчин благоприятно как для коллектива (снижается конфликтность), так и для отношений с пассажирами. В особенности на рейсах по территории бывшего СССР, как она говорит, –

там необходим, я считаю, первый номер... мужчина. – Да? – пере-спрашиваю я. – А с чем это связано? – С безопасностью и с пассажирами. Со спецификой пассажиров... тут нужна такая бригада, где больше мужчин, потому что рейс на Душанбе, где одни молоденькие девочки [стюардессы. – *Т. Ш.*], – это невыносимо. Ты чувствуешь себя голой, босой и совершенно теряется чувство профессиональности,

абсолютно у всех... это летят наши гастарбайтеры... они по своей ментальности [улыбаются], как мне сказал один: – Молчи, женщина! – тут женщина не указ... у него нет ассоциации, что я здесь работник, вот в чём дело, несмотря на то, что у меня форма... [жен., 24 года. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Мужская позиция здесь ассоциируется с властью, функциями руководства, влиянием, ответственностью. Профессия стюардессы воспринимается скорее как женская, определенные женские качества входят в число как официальных требований, так и неофициальных ожиданий. Однако именно ссылки на феминность служат обоснованием ограниченности и даже тенденции к полному перекрытию возможностей профессионального роста.

Нужно отметить, что несмотря на требования демонстрации феминных качеств на рабочем месте, они продолжают высмеиваться или осуждаться в профессиональном фольклоре, как высмеивается в авиационных анекдотах женская привлекательность стюардесс.

Разберем другой случай – профессии физика, «мужской» по статистическим показателям и символическому восприятию, в том числе самими профессионалами:

Если говорить о средней женщине и среднем мужчине – то, конечно... в общем-то, это мужская работа. Мужская, – говорит сотрудница ФТИ [жен., 60 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Однако и в этой профессии некоторые проявления феминности поощряются как качества хорошего работника. По общему мнению четырех собравшихся (из разных лабораторий ФТИ), больше всего женщин в группе, занимающейся технологией (в противоположность «фундаментальной науке»). В этой области женщины ценят:

У нас заведующий лабораторией – он просто считает, что женщины работают лучше, он просто говорит неоднократно. То есть в технологии женщины – лучше. И он как-то с большим таким уважением относится, – утверждает сотрудница технологической лаборатории (жен., 40 лет).

Другая участница разговора высказала предположение:

Вот мне кажется, что всё-таки потому что... так как много технологов женщин – это какая-то специфика всё-таки женской натуры – ну вот... (жен., ок. 60 лет).

Заметили, что больше всего женщин в такой области технологии, как

фотолитография, где вообще все зависит **от рук** уже человека.

– ну и *чутья*. *Терпения* больше.

– терпения больше, мелочи какой-то, *важно тщательно очень всё сделать* там, сто раз протереть, обмыть, нанести очень тщательно...

– вот, я думаю, *для мужчин это не очень характерно*...

– вот этим мужчины вообще, как правило, не занимаются. Они могут быть – *руководить* просто фотолитографией, просто организовать это дело, проследить, чтоб всё сделали как надо, – а руки – это женские, совершенно. Но там не только руки. Потому что на самом деле – это отработка режима. И, в общем, если только руки без вот этого, – то это бесполезное дело совершенно [жен.: 40, 60, ок. 60 лет, ФТИ. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Ценными качествами работника в обсуждаемой сфере (технологии, особенно фотолитографии) дружно признаются качества, одновременно рассматриваемые и как типично феминные: тщательность, терпение, чутье, готовность все многократно повторить, отработать режим – качества хорошего исполнителя, в то время как мужчинам приписывается отсутствие этих качеств и, соответственно, пригодность только для руководящей работы в этой сфере. На мой вопрос: «А какие работы считаются действительно мужскими работами – в институте и даже...» – я получила ответ:

Умственные [общий смех]. – Я только хотела сказать: мозги, – подхватила вторая из присутствующих женщин. – Мозги! [жен., ок. 60 лет. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

Есть работы, считающиеся «мужскими», и в сфере технологии:

Там у нас больше мужчин, потому что там у нас, в основном, установки уже там *достаточно сложные*, и там, конечно, больше мужчин, хотя женщины тоже есть.... Как уточнили участницы разговора, отличие

«мужской» технологии – «там техника. – Да, там *в чистом виде техника*. Там загружают образец, и дальше идёт работа с машинами, фактически. Это нужно следить, *программирование* обеспечить процесса. Вот такие вот вещи», – в отличие от «женской» технологии, где «всё зависит *от рук* уже человека», а также терпения и чутья [жен.: 40, 60, ок. 60, ок. 60 лет, ФТИ. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

В ходе беседы выяснилось, что группа фотолитографии чаще всего работает в рамках чужих проектов и редко выступает инициатором своих собственных, то есть выполняет, главным образом, обслуживающие функции. «Женские» качества – терпение, тщательность – в данном случае расцениваются как положительные с точки зрения профессии, но одновременно и служат обоснованием концентрации женщин в сфере, где им уготована исполнительская позиция. Поощрение «феминных» качеств в данной ситуации означает консервацию позиции исполнителя как той, к которой у женщины имеется «природное предназначение». Это происходит постольку, поскольку феминными представляются именно качества исполнителя. За счет этого отождествления происходит натурализация подчинения.

Ссылка на «природные свойства» женщины возникла в той же беседе еще раз – в связи с обсуждением неформальных механизмов принятия решений – например, подготовки к выдвижению кандидатур в ученый совет (на момент обсуждения вышло так, что от всего коллектива ФТИ в ученом совете не было представлено ни одной женщины). Речь зашла о неформальных обсуждениях кандидатур, о людях, которые поддерживают более тесные отношения с руководством и т. п. внутриинститутской «политике». Как говорили мои собеседницы, женщины в подобных обсуждениях практически не участвуют:

(1): И потом я ещё одну вещь хотела бы добавить, что женщине *более свойственно* сидеть на рабочем месте и работать... – (2): И делать свою вот... дело. А... они [мужчины. – *Т. Щ.*] должны знать больше. Вот по статусу внутреннему. То есть они стремятся к этой информации. Я когда загляну куда-то внутрь – ну я и закрою дверь, мне даже не хочется... у меня нет комплекса, что я не участвую. – (1): Я не думаю, что там обсуждают женские кандидатуры [*улыбается скептически*]. –

(2): Нет! Они обсуждают всё по отделу, всё хорошо. – (3): Но, в принципе, на самом деле *естественно* для большинства мужчин стремление ну, как-то расти. А сейчас-то это ещё вопрос денег. На самом деле. То есть, если не заниматься вот этой всей *политикой*, то очень трудно иметь и гранты, и какие-то – потому что просто не знаешь... [жен.: 60 лет, ок. 60, ок. 60 лет, ФТИ. ПМ: Т.Б. Щепанская, СПб., 2005].

«Свойствами» женщины объясняется ее отстранение от участия в принятии решений, то есть речь идет о натурализации (легитимации как природно заданного) отстранения женщин (нередко добровольного) от управленческих функций.

Как в «женской» профессии стюардессы, так и в «мужской» профессии физика обнаруживаются в целом однотипные закономерности. Поощрение феминных качеств оборачивается консервацией исполнительской, подчиненной позиции работника женщины. Но если вспомнить, что составляющие профессионализма – автономия в принятии профессиональных решений, ответственность, высокий статус, – то приходится признать, что «делание гендера» в случае, если он женский, не означает продвижения по шкале профессионализма, а скорее стагнацию. Случаи производства феминности в процессе профессиональной деятельности имеют место, но, по крайней мере, в рассмотренных случаях производство феминности означает одновременно и производство предела профессионального роста, в то время как производство маскулинности, наоборот, находится в положительной связи с повышением профессионального статуса. Эти примеры «делания гендера» (женского) не опровергают принципа, сформулированного нами в начале статьи: символические конструкции гендера находятся в асимметричном отношении к конструкту профессионализма (маскулинность имеет тенденцию к прямой, а феминность – к обратной зависимости по отношению к профессионализму).

Это правило достаточно стабильно воспроизводится в рамках того пласта неформального дискурса, который сами его носители опознают под названием «профессиональный фольклор»: речь идет о стереотипизированных, прошедших сквозь фильтр общественного мнения текстах, само воспроизведение которых отчасти

ритуализованно и воспринимается как отражение профессиональных традиций. Структуры, запечатленные в фольклоре, следует воспринимать не как реальное состояние дел в том или ином профессиональном сообществе, а именно как моделирующие структуры, образцы, на которые ориентируются как на самоочевидные по умолчанию, но вовсе не обязательно их буквально воспроизводят – не менее распространена и другая стратегия: отторжения, критики, пересмотра этих образцов. Анализируя этот дискурсивный пласт, мы не можем получить информацию о сиюминутной реальности гендерных отношений, но мы получаем информацию о структурах, моделирующих гендер, и воспроизводимых в рамках повседневной коммуникации. Структуры, транслируемые в неформальном дискурсе, разумеется, не исчерпывают моделей гендера – есть еще официальные предписания, должностные инструкции, законодательные акты, государственная и корпоративная политика и т. п. Но фольклорные модели, как наименее заметные и с трудом поддающиеся управлению, способны исподволь оказывать влияние как на официальные решения, так и в особенности на практику их исполнения (иной раз до неузнаваемости модифицируя ее).

Банников К. В армии, как на зоне: насилие и унижение стало нормой // НКП (Новая Камчатская правда). 2000. № 12. 30 марта.

Барной В. Мужская профессия: Одна, но пламенная страсть // Вечерний Рубцовск. 28.10.1998 <http://www.rubtsovsk.ru/press/vrnews/0113103/part004.htm>.

Бойцова М. Один день из жизни медицины катастроф // Петербургский час пик. 1999. № 9(61). 10 марта. С. 11.

Бондаренко И. Антон Бируля: лютне, как женщине, нужна верность // Смена. 2000. 28 янв. С. 5.

Ворохов С. Саша Васильев: «Нам тоже лифчики на сцену бросают» // Аргументы и факты. Петербург. 1999. № 18. Май. С. 10.

За тех, кто работает в профтех! Фоторепортаж К. Старцева, М. Львова. Амурская заря. 31.10.2001 // <http://www.amursk.ru/az/01/1031/n1.htm>.

Ивлева И. Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности: Сб. ст. по материалам полевых исследований / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. СПб.: Труды ЦНСИ, 2001. Вып. 9. С. 83–96.

- Инешина Т.* Женщины мужских профессий // Комсомольская правда. Иркутск. 05.03.2004 // <http://www.irk.kp.ru/2004/03/05/doc16171/>.
- Котлова Т.Б., Смирнова А.В.* Гендерные стереотипы в учебниках начальной школы // Женщина и общество: информационный портал. www.owl.ru. Впервые опубликовано в журнале «Женщина в российском обществе». 2001. № 3–4.
- Кудрявцева Е.* Принимающая первой // Большой город. www.bgorod.ru/print/article.asp?ArticleID=17669.
- Лурье М.Л.* Служба в армии как «воспитание чувств» // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Матер. науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. СПб.: Алетей, 2001. С. 247–259.
- Маслов А.* Жаргонарий // Сайт компьютерного фольклора и сленга // zzz.land.ru.
- Никулин А.* Константин Козеев: разговор перед полетом, или Космонавтика с человеческим лицом // Новости космонавтики. 2001. Окт.
- Петрова М.* Любовный роман № 172 занял второе место // Смена. 1998. 17 февр. С. 2.
- Прищепова В.А.* Коллекции заговорили: История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб.: МАЭ РАН, 2000.
- Рослова Л.* Александр Буйнов выходит на сцену, как боксер на ринг // Советский спорт. 2003. 27 марта.
- Сайт «KARAOKE.Ru»* // <http://karaoke.ru/song/3824.htm>.
- Сайт «Фольклор советских студентов»* // <http://folklor.kulichki.net>.
- Сайт Олега Винокурова* // oleg-vinokurov.narod.ru/20.htm. Материалы датированы 03.05.2003.
- Сайт Самарского представительства «TeleTrade» D.J. International Consulting Ltd* // samara.teletrade.ru.
- Сайт Санкт-Петербургской региональной молодежной общественной организации развития информационных технологий.* 1998 // www.ruxy.org.ru.
- Сайт Стопка.py* // <http://www.stopka.ru/toast/nyear04.shtml>.
- Сайт студентов Московского Авиационного института* // www.mai.ru/leisure/dk/zerkalo/m_folk.htm.
- Сахаров А.Д.* Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1990. Гл. 13. Электронная публикация доступна на сайте библиотеки Чистополя // <http://lib.chistopol.ru/read.php?id=1611&page=631>.
- Светлова Е.* Врачебная ошибка // Совершенно секретно. 1999. № 7.
- Сергеев И.* Пиарщик в шоколаде // Московский комсомолец. М., 23.06.2003 // www.sovetnik.ru; см. также в сообщении на одном из форумов // www.kyrgyz.uz.

- Соколов М.* Трудная судьба: Библиотека правого клуба // Драйв. 1999. № 5. 1 авг.
- Старобинец Ю.* Военный летчик // Петербургский час пик. 2001. № 30(184), 25–31 июля. С. 11.
- Стратегия* развития ОАО «Новосибирскэнерго»: интервью генерального директора ОАО «Новосибирскэнерго» В.Д. Соловьянова // Налоги и экономика. 2002. № 1–2. Март.
- Форум* на сайте «CarneVale», тема «мужчины и женщины», сообщение от 27.12.2004 // <http://www.karnawal.ru/forum/index.php?showtopic=22>.
- Хайнц Б., Надау Е.* Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб.: Социол. общ-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 282–309.
- Хомутов Л.* Правила воздушного движения написаны кровью // Сайт «Средства массовой информации Челябинска и области» // www.chelpress.ru. 17.08.2001.
- Чередникова М., Кром И.* Не возите больного ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может очокуриться // Мегаполис-Экспресс. 2004. № 11(738) // www.megapolis.ru/about/me/2004/11.
- Чернова Ж.* «Мужская работа»: анализ медиа-репрезентаций // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Ред. Л.Н. Попкова, И.Н. Тартаковская. Самара: Самар. ун-т, 2003. С. 276–293.
- Шмидт Н.М., Куницына Е.В., Мурашова А.В., Соколова З.Н.* Участие сотрудниц института в развитии основных научных направлений ФТИ им. А.Ф. Иоффе // Программа и сборник тезисов III Междунар. конф. «Женщины в фундаментальной науке»: Памяти И.П. Ипатовой. 25–27 нояб. 2004 г. СПб.: ВВМ, 2004. С. 76–77.
- Шумов К.* Традиции пожарной охраны // Сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика», в рамках проекта «Виртуальные мастерские в общественных науках» // www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm.
- Шумов К.Э.* Профессиональный миф программистов // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 128–164.
- Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139–161.
- Щепанская Т.Б.* Мужская магия и проблема концептуализации профессиональных субкультур // III Конгресс этнографов и антропологов в России. 8–11 июня 1999 г.: Тез. докл. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Щепанская Т.Б.* Прагматика некросимволизма (по материалам сравнительно-антропологического исследования профессиональных традиций) // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой,

В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Социол. общ-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 134–151.

Leidner R. Serving Hamburgers and Selling Insurances: Gender, Work and Identity in Interactive Service Jobs // *Gender and Society*. 1991. № 5.

Matthews R.C.O. The economics of professional ethics: should the professions be more like business? // *The Economic Journal*. 1991. July. P. 737–750.

Nedelmann B. Die Entinstitutionalisierung des Wohlfahrtsstaates und Konfliktentstehung – der Fall des Lohnfortzahlungsgesetzes // *Europäische Institutionenpolitik* / Hrsg. T. König, E. Rieger, H. Schmitt. Frankfurt am Main: Campus, 1997.